

[20.01.2003] Русский исход. Почему этнические россияне продолжают покидать ЦентрАзию

НА КОНТЕЙНЕРНОЙ площадке – не протолкнешься. Русские по-прежнему уезжают из **Центральной Азии**. На этом построен целый бизнес. За мзду легче оказаться перед заветным окошечком без давки в очереди, за «зеленый» столытник таможенник с пограничником закроют глаза на содержимое контейнера.

– Надо ехать, – вздыхает Нина Рыжова, проектировщица одного из ташкентских институтов. – Дети оканчивают школу, в России у них больше перспектив выйти в люди.

Нина Рыжова родилась и выросла в Узбекистане, считает его своей родиной, в России – ни друзей, ни родных. По дешевке продала родительский дом, две квартиры. Знает, что впереди – море проблем, жизнь придется начинать с нуля.

Похожую картину можно наблюдать в Киргизии. Из Туркмении и Таджикистана уже попросту некому уезжать: там фактически остались лишь одинокие старики. В более благополучном Казахстане этот процесс сейчас не носит столь острого характера. Но и без того масштабы переселения русских из республик Центральной Азии поистине эпохальные. Причем, если заселение в этот регион проходило на протяжении нескольких веков, длительность обратного действия укладывается в последнее десятилетие.

Начало **миграции** положил распад Союза, вызвавший практически во всех образованных здесь государствах межэтническую напряженность. Даже бытовые ссоры на транспорте, на базаре, случающиеся во все эпохи, на заре независимости превращались в разборки на национальной почве. Появился на свет ряд других государственных актов, подчеркивающих суверенность республик, но психологически давящих на некоренное население.

Поднимались не только семьями – целыми цехами и селами. В

Кузбасс уезжали шахтерскими бригадами. С Ташкентского авиационного завода в Смоленск и Самару перебравлись большие группы специалистов. Сибирь заметно пополнилась русскими «киргизами».

Бурные волны миграции не прошли бесследно и для самих центральноазиатских республик. Уже подсчитано, что тот квалифицированный кадровый потенциал, который потеряла, скажем, Киргизия, мог произвести валовой продукт, равный по своему размеру нынешнему годовому бюджету этой страны.

По данным из различных источников, с 1989 по 1999 год численность русских в Казахстане с 6 миллионов сократилось до 4,4 миллиона, из Узбекистана за десять лет на историческую родину выехали свыше 300 тысяч, Киргизию покинули полмиллиона человек. Специалисты в области межнациональных отношений утверждают, что реальные цифры значительно превышают официальную статистику.

Существует мнение, что по большей части люди уезжают не от обид, а, что называется, за длинным рублем, найден даже термин на этот случай – «экономическая миграция». Но не стоит все-таки сбрасывать со счетов влияние правовых и психологических факторов. Мотивацией к отъезду были и потеря престижной работы, и опасение за будущее. А сегодня уже появилось новое «научное» определение происходящему – синдром потери друга и родственника. Оставшиеся начинают испытывать чувство одиночества. Они задаются вопросом: что делать, если рядом не осталось дорогих мне людей? Свое влияние оказывает **высокий уровень безработицы**, при которой многие оказались не у дел.

Озабоченность складывающимся положением вызвала появление в той же Киргизии указов президента Аскара Акаева о регулировании миграционных процессов. Наиболее значимыми в них были позиции, связанные с **кадровой политикой**, которая во многом не соответствует демографическому раскладу. К примеру, в Чуйской долине, наиболее «продвинутом» регионе этой республики, состав населения делится в пропорции 50 на 50. Между тем среди первых лиц в хозяйственных и управленческих структурах русских практически нет.

В Казахстане законодательные нормы позволяют президенту республики утверждать кандидатов в депутаты от национальных меньшинств. Вместе с тем телеканалы теперь обязывают занимать не менее половины эфирного времени передачами на казахском языке. Именно знание (вернее, незнание) государственного языка становится для многих русских специалистов слагбаумом, который закрывает им дорогу к государственной службе.

Год назад Киргизия в законодательном порядке приняла русский язык как второй официальный, затвердив де-юре то, что фактически существовало все это время – русскоговорящее общество. Конституционный статус русского языка – явление отнюдь не лингвистическое. Он должен стать сигналом к тому, что русские люди на равных могут занимать должности, чувствовать себя комфортно. Но много воды утекло, пока произошло утверждение роли языка. За это время разного рода аттестационными комиссиями по госязыку деликатно вымыто с руководящих должностей 70-80 процентов русскоязычного состава.

Русских в Узбекистане вообще никто не удерживает: ни правительство, ни парламент, ни общественность. Подтекст очевиден: своего народа девать некуда. А тут задаром сотни тысяч квартир, рабочих мест.

Несколько уверенней держат себя люди бизнеса, особенно в компаниях с российским капиталом. Но барьеры и на их пути немалые. Поскольку налоговые, таможенные службы, прокуратуры в основном мононациональны, человеку, открывшему свое дело, начавшему успешно раскручиваться, легко чинят препятствия. Но выдвигать обвинение по поводу «ущемления прав русского меньшинства» себе дороже. Да и доказать его весьма непросто. Вот и остается голосовать ногами.

На собственные политические движения русские в республиках не отваживаются. Очень слабо они представлены в выборных органах, республиканских парламентах. Вот как объясняет это положение председатель Славянского фонда, под крышей которого объединились проживающие в Киргизии этнические россияне, Валерий Вишневский:

– Мы не раз предлагали найти механизмы, которые позволят иметь

адекватное число достойных политиков разных национальностей в депутатском корпусе, чтобы активно участвовать в законотворческой деятельности. Но не находили поддержки у местного истеблишмента. Нам часто советуют: создавайте партию – и вперед, на выборы. Но путь политического объединения по национальному признаку сомнителен и вряд ли приведет к хорошим результатам.

А стоило десятку вполне законопослушных граждан Казахстана зарегистрировать Русскую партию, как их тут же одернули обидевшиеся депутаты. Русскую партию срочно переименовали в «Соотечественников» и выдвинули лидера с «правильной» фамилией. Общественные организации русских диаспор по большей части ограничиваются культурной проблематикой, выступлениями ансамблей песен и плясок.

Публичная критика в такой деликатной сфере, как положение русских, здесь не в ходу. Да и обижаться вроде особо не на что, если сравнивать «азиатских» русских с «прибалтийскими». Ни одному русскому не отказали в республиках Центральной Азии в гражданстве только потому, что он русский. Ни одного не посадили в тюрьму только за то, что тот сражался за «российскую империю». И все же народ русский утекает из региона. Главная причина – увеличивающийся разрыв в комфортности жизни. И хотя теперь на восточном базаре уже не услышишь: «Не хочешь, не бери, уезжай в свою Россию», а, наоборот, кричат: «Брат, сестра, возьми, уступка будет», есть что-то такое, что заставляет бронировать билет на север.

Тем временем из Каракола (бывшего Пржевальска), что расположен на берегу Иссык-Куля, обращаются в Славянский фонд: помогите, пожалуйста, с учителями русского языка, мы дадим им квартиры, хорошую зарплату – требуются живые носители языка. В самом отдаленном городе Киргизии – Нарыне – в единственной русской школе осталось всего семь русских учеников. Зато две тысячи киргизских семей перевели сюда своих детей на обучение. В детских садах Ташкента вновь срочно открывают русские группы – так хотят узбекские мамочки.

Да и для администраций, переполненных местными чиновниками, страдающими родоплеменными нравами, русские управленцы –

благо. Хотя они держатся на вторых ролях и понимают, что министром иностранных дел, главой парламента представителю «некоренной» нации стать не светит. Президентом по закону не изберут. Но русские – благодарный электорат. Они в большинстве поддерживают официальную власть.

Русские в национальных республиках – сильная опора государству Российскому. Здесь они во сто крат большие патриоты, чем под отчей крышей. По правде говоря, в первые годы суверенизации, когда повсюду полыхали националистические лозунги, люди не особо ощущали, что находятся под защитой своей исторической родины. Поворот в российской политике наметился в 1999 году, когда появилась строчка в федеральном бюджете на поддержку соотечественников за рубежом. Цифра поначалу была скромная, но она потихоньку увеличивается и сейчас составляет 200 миллионов рублей. Причем действует не только федеральная программа, но появляются и региональные программы поддержки соотечественников, благодаря которым поступает благотворительная помощь некоторым неимущим пожилым людям, молодежи из слабообеспеченных семей предоставляется возможность бесплатно обучаться в российских вузах. Но ценнее этой благотворительности могло бы стать более активное участие России в реанимации оставшихся на территории республик бывших союзных предприятий, где по большей части трудились русские. Теперь, понятно, такие производства должны преобразоваться в совместные, на паритетной основе. Причем не только предприятия. Примером удачного соединения усилий двух стран в области образования для русскоязычной молодежи может служить Киргизско-Российский Славянский университет. В сфере экономики пока таких примеров маловато.

Между тем включение «производственной составляющей» в российскую политику, направленную на поддержку наших соотечественников в ближнем зарубежье, сыграло бы решающую роль в снижении миграционного накала, который не остановит никакое устроение законодательства по этой части. И главное, русские люди, не в первом поколении приросшие к Центральноазиатскому региону, остаются здесь форпостом, более надежным, чем любое военное присутствие.

Элла Таранова, Владимир Березовский, Юрий Кириницянов,

«Российская газета», 20 января 2003